

RU

Семантические особенности глаголов в значении 'стоять' в сопоставительном аспекте (на материале кабардино-черкесского, русского и английского языков)

Хатухова Л. В.

Аннотация. Цель исследования состоит в выявлении универсальных и идиоэтнических принципов семантического развития позиционного глагола в значении 'стоять', обозначающего один из основных (базовых) типов расположения субъекта в пространстве. Рассмотрены способы языковой категоризации пространственных ситуаций при помощи этого глагола в кабардино-черкесском языке (далее кабардинском или КЯ) на фоне русского и английского; проанализирована специфика переосмысления изучаемых единиц в этих языках. Научная новизна предлагаемой работы состоит в том, что впервые специфика семантического развития указанного глагола КЯ изучается на фоне коррелирующих единиц в русском и английском языках, что позволило выявить пределы лексико-семантического и грамматического варьирования этого глагола в кросс-культурном плане. Полученные результаты показали, что кабардинская лексема реализует более разнообразную сеть лексических значений, а также демонстрирует крайнюю степень деконцептуализации, способствующей приобретению ею связочной функции и вхождению в грамматическую парадигму категорий и форм: наклонение, время, модальность, каузативность.

EN

Semantic features of verbs meaning 'to stand' in a contrastive perspective (based on data from Kabardian-Circassian, Russian, and English languages)

L. V. Khatukhova

Abstract. The aim of this study is to identify universal and idioethnic principles in the semantic development of the positional verb meaning 'to stand,' which denotes one of the fundamental (basic) types of subject location in space. The study examines the ways in which spatial situations are categorized using this verb in the Kabardian-Circassian language in contrast to Russian and English; it analyzes the specific nature of the reinterpretation of the studied units in these languages. The scientific novelty of the proposed work lies in the fact that, for the first time, the specifics of the semantic development of the mentioned Kabardian verb are studied against the backdrop of correlating units in Russian and English, which has made it possible to identify the limits of lexical-semantic and grammatical variation of this verb in a cross-cultural perspective. The results obtained showed that the Kabardian lexeme realizes a more diverse network of lexical meanings, and also demonstrates an extreme degree of deconceptualization, which contributes to its acquisition of a linking function and its inclusion in the grammatical paradigm of categories and forms: mood, tense, modality, and causativity.

Введение

На современном этапе развития семантических исследований особое внимание уделяется выявлению семантических особенностей позиционных глаголов, в частности, их роли и места в формировании картин мира конкретных языков (Newman, 2002; Рахилина, 1998; Майсак, 2005). Вместе с тем при наличии большого числа исследований на материале многих языков специфика позиционных глаголов КЯ в силу тех или иных причин оказалась вне поля зрения ученых. Данное обстоятельство предопределяет необходимость изучения указанных глаголов КЯ как одного из уникальных во многих аспектах языков мира (Кимов, 2010а).

Особый интерес лингвистов к этим глаголам, а именно 'стоять', 'сидеть' и 'лежать' (ср. англ. *sit*, *stand* and *lie*), в языках мира связан с их разветвленной полисемией и переосмыслением в ходе развития когнитивного

опыта взаимодействия человека с окружающей действительностью. Иными словами, они активно употребляются во вторичной номинативной функции, не связанной с реализацией локативного значения. Вместе с тем если на материале английского и русского языков эти глаголы изучены широко, то в так называемых миноритарных языках, в частности КЯ, их исследование находится на начальном этапе (Кимов, 2010b; Хатухова, 2024). В этой связи описание семантических особенностей этих единиц, а именно путей их концептуального расширения, создающих условия для их функционирования в нелокативном значении, представляется актуальным. В настоящей работе мы сосредоточим внимание на анализе одного из трех позиционных глаголов КЯ *щытын* 'стоять' и его кросс-языковых коррелятов.

Обозначенная цель исследования предполагает решение следующих задач: 1) кратко рассмотреть специфику позиционных глаголов, которые обозначают особый тип расположения субъекта в пространстве; 2) проанализировать словарное представление этих глаголов по лексикографическим источникам; 3) провести сравнительный анализ функционирования лексемы *щытын* 'стоять' и ее кросс-культурных коррелятов, прежде всего, в русском и английском языках.

Теоретическая значимость исследования связана с расширением знаний об использовании изучаемого глагола во вторичной номинативной функции, что приводит к ее грамматикализации, выявлением специфики лексикализации семантических компонентов этого глагола.

Исследование эмпирического материала основывается на следующих методах: концептуальный и семантический анализ языка для изучения особенностей концептуального и семантического расширения изучаемого глагола, а также выявления его участия во вторичной номинативной функции; метод лингвистической интроспекции для реконструкции лексикографического представления изучаемого глагола в СКЧЯ.

В качестве материала исследования на системном уровне использованы дефиниции значений полисеманта *щытын* 'стоять' и его кросс-культурных коррелятов из разных словарей, а также иллюстративные примеры к соответствующим словарным статьям; при описании языкового поведения этих лексем в КЯ анализ главным образом опирается на картотеку устного кабардинского дискурса, составленную нашим научным руководителем Р. С. Кимовым и любезно предоставленную им в наше пользование. Материал исследования отобран нами из следующих лексикографических источников. Для удобства ссылок на словари для каждого источника нами предложена «рабочая» аббревиатура (ср. СОШ для Словаря Ожегова и Шведовой), которая подается после библиографического описания источника:

- Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. <https://gufo.me/dict/ozhegov/> (СОШ);
- Словарь кабардино-черкесского языка. М.: Дигора, 1999 (СКЧЯ);
- Толковый словарь русского языка онлайн. <https://sinonim.org/t> (ТСРЯ);
- Ушаков Д. Н. Толковый словарь русского языка. <https://gufo.me/dict/ushakov/> (ТСУ);
- Шагиров А. К. Этимологический словарь адыгских (черкесских) языков. М., 1977. Т. I-II (ЭС);
- The Free Dictionary by Farlex. <https://www.thefreedictionary.com> (Farlex).

Теоретической базой послужили фундаментальные исследования, посвященные изучаемым глаголам в языках мира с когнитивных позиций (Майсак, 2005; Рахилина, 1998; Лопатин, 1996; Newman, 2002; Newman, Rice, 2004); языковой картины мира (Апресян, 1995; Bach, 1986); теории номинации или ономазиологии (Серебренников, 1977); частные исследования по отдельным глаголам позиции на материале разных языков (Кимов, 2010a; Кузнецова, 2020; Сметанина, 2007).

Ввиду того, что основная источник нашего анализа – Словарь кабардино-черкесского языка – представляет собой первый опыт составления справочников такого рода, он нуждается в переиздании в соответствии с новыми взглядами на многие проблемы теоретической лингвистики, в том числе и теоретической лексикографии. В этой связи практическая значимость нашего исследования видится нами в первую очередь в том, что эмпирический материал, собранный и обработанный в соответствии с новейшими достижениями когнитивной лингвистики, а именно лексикографический портрет кабардинской лексемы, может быть использован в качестве дополнительного материала при подготовке нового издания СКЧЯ, а также при описании его грамматики. Кроме этого, наши наблюдения могут служить подспорьем при чтении курса лекций по когнитивной лингвистике, типологическим разысканиям в области языковой картины мира, теории грамматикализации.

Обсуждение и результаты

Исследуемый глагол входит в особый «лексический класс», который функционирует в специальной литературе под разными названиями: *глаголы позиции*, *позиционные глаголы* (Рахилина, 1998; Майсак, 2005), *предикаты локативного состояния* (Кимов, 2010b), *глаголы пространственного расположения предмета* (Лопатин, 1996), *базовые глаголы покоя* (Кузнецова, 2020), *posture verbs* (Newman, 2002; Newman, Rice, 2004; Várnai, 2022), *stative verbs* (Rothmayr, 2009), *locative predicates* (Ameka, Levinson, 2007). При их исследовании в фокусе внимания лингвистов и представителей смежных наук (лингвокультурология, лингвopsихология) находятся не только исключительно особенности их функционирования в прямом номинативном значении, но и способность «переходить» в другие концептуальные области. В нашей работе использование лексемы *щытын* 'стоять' и ее коррелятов во вторичной номинативной функции, т. е. в любом другом значении помимо соответствующей позы человека, будем считать метафорой в общем смысле этого термина. В любом естественном языке, представляя собой особую группу (Майсак, 2005), глаголы позиции первоначально призваны «обслуживать»

концептуальную область-источник (поза человека в спокойном состоянии – *стоять, сидеть, лежать*). На сегодняшний день по языкам мира получено большое количество данных (Newman, 2002; Newman, Rice, 2004), которые показывают, что основные глаголы позиции употребляются с большим количеством имен, обозначающих как **человеческие** (human), так и **нечеловеческие** (nonhuman) объекты. Последние, в свою очередь, подразделяются на **одушевленные** (животные, птицы и т. п.), **неодушевленные** (натур- и артефакты) и **абстрактные** (Сметанина, 2007). Отсюда из чисто лексических средств языка, выражающих соответствующую позицию, они переходят в разряд экзистенциальных предикатов, а затем, грамматикализуясь, берут на себя функцию аспектуальных маркеров (Newman, 2002). При этом в языках мира их семантическое расширение осуществляется как в соответствии с общечеловеческими (логическими) формами мышления, так и предопределяется национально обусловленными принципами членения мира. В этой связи на материале нескольких языков, вовлеченных в анализ, нами проверяется сильное допущение ученых, которые признают сосуществование двух форм мышления. С одной стороны, это логические (общечеловеческие, универсальные) формы, которые порождены коренными потребностями человеческого познания и не зависят от специфики языка, при помощи которого осуществляется мыслительный процесс (Чесноков, 2007). С другой стороны, это семантические (= национальные) формы мышления, предопределяемые строем конкретного языка (Чесноков, 2007). Еще А. А. Потебня (Цит. по: Чесноков, 2007, с. 117) отмечал, что национальные формы мышления выражаются в том, что в языках флективно-синтетического строя лексические и грамматические значения выражаются слитно, в то время как в языках аналитического строя они осмысляются раздельно. Для анализа, предложенного в нашей работе, плодотворными также являются идеи А. В. Бондарко, который интерпретирует понятие универсальных и национальных форм мышления в других терминах, а именно **смысл** и **значение**. Так, универсальная – **логическая составляющая** – мыслится им как инвариант, неизменная содержательная часть синонимических преобразований и межъязыковых соответствий, в то время как семантические (национальные) формы мышления предопределяют идиоэтнические принципы языковой категоризации мира, включая также грамматические аспекты (Бондарко, 1992). Поясним сказанное применительно к анализируемой нами лексеме КЯ, привлекая материалы из других языков – русского, английского, а также французского. Так, кабардинский глагол *цытын*, по нашему мнению, является достаточно полным смысловым эквивалентом (обеспечивающим принципиальную переводимость) русского и английского глаголов *стоять* и *stand* и входит в группу глаголов позиции. В этих языках позиционные глаголы, как уже указывалось, представляют собой самостоятельные лексемы (ср. *стоять, сидеть, лежать* и *sit, stand, lie*; ср. каб. *цысын 'сидеть'* и *цылгын 'лежать'*). Вместе с тем любопытно, что во французском языке отсутствуют простые глаголы, т. е. универсальные лексемы для обозначения любого из указанных позиционных смыслов (Майсак, 2005, с. 127). Так, в частности, по свидетельству К. Годдард (Цит. по: Майсак, 2005, 127), этот язык располагает двумя сложными выражениями: **a. être debout** ≈ 'быть вертикально, на ногах' и **b. se tenir debout** ≈ 'держаться вертикально, на ногах', каждое из которых передает значение, во многом отличающееся, например, от значения глагола *stand*. При рассмотрении этих французских выражений в терминах синонимии можно заключить, что **смысл** обеих фраз один и тот же, но значения выражений отличаются, ввиду того что семантика компонентов, входящих в эти структуры, разная – как с грамматической, так и с лексической точек зрения: ср. в **(а)** связочный глагол *être* и причастие *debout*, в **(б)** возвратный глагол *se tenir* + то же причастие. Отсюда видно, что как на уровне синонимических преобразований в отдельно взятом, а именно французском, языке, так и на уровне межъязыковых соответствий (ср. *цытын, стоять, stand*) все эти глаголы и глагольные сочетания (ср. **a** и **b**) передают общую идею нахождения в вертикальном положении, т. е. один и тот же «смысл» (Бондарко, 1992). Вместе с тем, как можно заметить, обращает на себя внимание специфика языкового представления этого общего смысла или идеи. Так, примеры из французского языка, которые мы привлекли в качестве *tertium comparationis*, показывают крайнюю степень расчлененности языкового представления идеи стояния, что позволяет отнести французский язык к типу языков «без лексикализации позиционных смыслов в простых глагольных корнях» (Майсак, 2005, с. 127). Кроме этого, сравнение универбов, которые служат для обозначения тождественной идеи на межъязыковом уровне, показывает, что в английском языке *stand* – это морфемно простая (без учета нулевого аффикса) лексема, в русском – 'стоять' с корнем *стоя-* и грамматическими формантами. Что касается КЯ, с формальной точки зрения *цытын* является префиксальным образованием, которое состоит из префикса (= преверба) и корневой морфемы **-т-**, являющейся носителем лексического значения, т. е. идеи стоячего положения. Преверб *цы-*, согласно **СКЧЯ**, передает обобщенное значение локализации 'в каком угодно месте', 'в каком-либо месте' без указания на особенности расположения участников, т. е. объектов пространственной ситуации (*в, под, над, у* и т. д.). При необходимости уточнения места локализации субъекта в КЯ преверб *цы* заменяется одним из многих локативных (локальных) глагольных префиксов, которые являются концептуальным аналогом предлогов в языках со свободными формами (русс. 'в', 'под', 'над', 'у' и англ. *in, under, on*), в которых они находятся в препозиции к грамматическому объекту, т. е. предшествуют ему (ср. *стоит на столе / у стены / под деревом* и *on the table, at the wall, under the tree*). На эту особенность КЯ обратил внимание еще Б. А. Серебренников, отметив, что в адыго-абхазских языках, к которым принадлежит кабардинский, наблюдается ярко выраженная тенденция превратить «глагольную форму в специальный комплекс средств указания на другие части речи». Поэтому, считает ученый, семантические аналоги предлогов или послелогов располагаются не перед именами существительными или после них, а помещаются в самом глаголе, т. е. инкорпорируются в структуру глагольной лексемы, образуя самостоятельную единицу-вокабулу, ср. **те-Т-ын** 'стоять на', букв. '*устоять*';

и -Т-ын 'стоять в', букв. *'встоять'*, *Иу-Т-ын* 'стоять у', букв. *'устоять'* (Серебренников, 1988, с. 200). Эти структуры, которые состоят из преверба и корневой морфемы, вслед за Р. С. Кимовым (2010а) мы называем локативным комплексом (ЛК) (Хатухова, 2024). По сути, ЛК представляет собой автономную номинативную единицу, которая представлена в СКЧЯ в виде вокабулы, имеет собственную эпидигматическую структуру (= собственную полисемию) и может быть использована как в первичной, так и во вторичной номинативной (метафорической или метонимической) функции. Отсюда все глаголы (= локативные комплексы) КЯ, которые в любой грамматической форме (наклонение, лицо, число, каузатив) содержат в своем составе корневую морфему -Т-, считаются нами лексико-грамматическими вариантами лексемы *щытын* 'стоять'.

Итак, для описания семантики глаголов позиции важными являются такие компоненты, как субъект или **фигура**, область локализации субъекта или **фон** (Talmy, 1985), а также **способ** расположения, т. е. локативное состояние субъекта (Майсак, 2005). В нашей работе мы сосредоточим свое внимание на двух компонентах, а именно субъекте и позиционном глаголе, и рассмотрим, упрощенно говоря, какие предметы, объекты, явления с точки зрения наивной картины мира (Апресян, 1995) или метафизики естественного языка (Bach, 1986) – в нашем случае кабардинского, русского и английского языков – могут занимать стоячее положение.

Лексикографический справочник, которым мы пользуемся, – СКЧЯ – является первым в своем роде и составлен в соответствии с принципами известных толковых словарей русского языка (см. выше). Однако грамматика КЯ чрезвычайно сложна, словоформы структурированы особым образом (ср. глагол *щытын* и многочисленные локативные комплексы, которые содержат корневую морфему -Т- со значением «стояния»), чем объясняется непоследовательность и недостаточно полное представление лексикографического портрета некоторых лексем, в том числе и изучаемой нами единицы. Кроме того, как справедливо отмечают составители СКЧЯ, для расширения круга пользователей, а также «совершенствования» изучения кабардино-черкесского и русского языков заглавное слово (вокабула) переводится на русский язык путем подбора эквивалента или описательно, чему главным образом мы также стараемся следовать на протяжении нашего исследования. В этой связи дефиниции значений кабардинского глагола будут также представлены на русском языке. Примеры на КЯ по мере возможности подаются в виде параллельных текстов. Английские примеры необязательно представляют собой перевод соответствующих примеров русского и кабардинского языков: они приводятся в виде оригинальных текстов с условием, что лексема *stand* в разных грамматических формах (временные, видовые) реализует в них смысл, аналогичный тому, который представлен в кабардинском и русском примерах. В тех случаях, когда не представляется возможным подобрать соответствующий контекст на английском языке, ставятся пропуски в виде символов xxx. Порядок следования (нумерация) дефиниций при необходимости будет меняться.

Рассмотрим конкретные примеры, в которых кодируются **концептуальные сценарии** с участием глагола *щытын* 'стоять' и его коррелятов.

(1) Находиться в вертикальном положении, оперевшись конечностями (ногами) в твердую опору, не передвигаясь.

- a. *Сыплъэмэ – лыжьымI щытыц.*
- b. *Приглядываюсь, а там **стоят** два старика.*
- c. *She **was standing** beside my bed.*
- d. *Хьэр лы тебэм **щхьэщытыц.***
- e. *Собака **стоит над** сковородкой с мясом, букв. **настоит.***
- f. *The dog **was standing** over him and choking him.*
- g. *Псыхэуэр лъакъуэ лъэныкъуэжIэ зыкъомрэ псым **хэтац.***
- h. *Цапля долгое время **стояла в** воде на одной ноге, букв. **встояла.***
- i. *The heron **stood** in the shallows, motionless and waiting...*

Из примеров (1 a-i) видно, что стоячее положение с точки зрения всех трех языков могут занимать: а) люди, б) животные, в) птицы. Причем концептуальное расширение идет в направлении ЛЮДИ > ЖИВОТНЫЕ > ПТИЦЫ.

Такая концептуализация характерна для многих языков мира (Newman, Rice, 2004; Várnai, 2022).

Анализируемый материал также показывает, что в силу концептуального расширения изучаемой лексемы стоячее положение могут занимать натур- и артефакты. Ср.:

(2) Находиться неподвижно в вертикальном положении.

- a. *Пкъор захуэу **щытыц.***
- b. *Столб **стоит** прямо.*
- c. *Two large pillars **stand** at the entrance.*

(3) Быть поставленным, расположенным где-н., находиться где-н.

- a. *Унэр псы **Иуфэм Иутыц.***
- b. *Дом **стоит у** реки, букв. **устоит.***
- c. *Somerset House **stood** directly on the River Thames...*
- d. *СтIолыр балконом **темыц,** букв. **настоит.***
- e. *Стол **стоит** на балконе.*
- f. *The urn **stands** on a pedestal.*

Рассмотрим другие примеры употребления глагола *цытын* и его коррелятов в иных стативных пространственных ситуациях на основе иллюстративного материала, предлагаемого словарем **СОШ**:

(4) (i) Быть, находиться, иметь место где-н. или в какое-н. время; (ii) вообще существовать. Приведем иллюстративные примеры, которые могут быть истолкованы в терминах данной дефиниции в соответствии с установками словаря **СОШ**. *Дом стоит у реки. В комнате стоит запах табака. На конверте стоит штемпель. В доме стоит шум. В глазах стоят слезы. Стоит время отпусков. Стояла последняя неделя поста.*

- a. Пэшым тотынымэ гуацІэ **цІЭтыц**, букв. *встоит*.
- b. В комнате **стоит** запах табака.
- c. ? *There **stands** a strong smell of fish.*
- d. Конвертым мыхъур **тетц**, букв. *настоит*.
- e. На конверте **стоит** штемпель.
- f. ? *There **stands** a stamp on the envelope.*
- g. Унэм макъ гур цІЭтыц.
- h. В доме **стоит** шум.
- i. ? *There stands some noise in the house.*
- j. И нэм нэс цІЭтыц.
- k. В глазах **стоят** слезы.
- l. *Tears stood in her eyes.*

Прежде чем провести сравнительный (в трех языках) анализ этих текстов, прокомментируем некоторые моменты. Так, по нашему мнению, текст дефиниции (4 i и ii) выглядит очень обобщенно. Нетрудно заметить, что в соответствии с данными словаря **СОШ** с точки зрения русского языка стоячее положение могут занимать объекты с совершенно разными денотативными свойствами, как то: дом, штемпель, запах, шум, слезы, дым, время (период времени). Мы не оспариваем нормативную возможность подобной концептуализации в метафизике русского языка (= языковой картины мира русского языка (Апресян, 1995; Bach, 1986)). Однако составители словаря по своим соображениям подводят их под одну рубрику: ср. 4 i и ii, что, думается, не совсем оправданно. Вопрос, конечно, сложный как с теоретической, так и практической точки зрения, но тем не менее хотелось бы большего единообразия в лексикографическом представлении логически универсальной идеи «находиться в вертикальном положении», с тем чтобы можно было бы адекватно проследить то, как эта идея, концептуально расширяясь, преломляется сквозь призму национальных языков, а именно КЯ. Но, к сожалению, как мы уже отметили, семантическое описание КЯ с лексикографической точки зрения опирается на единственный в своем роде толковый словарь **СКЧЯ**, метаязык которого только начинает разрабатываться, что накладывает отпечаток на качественные параметры дефиниции. Так, *цытын* 'стоять' (в первичной номинативной функции, т. е. в первом значении) в **СКЧЯ** толкуется как «стоять, находиться в вертикальном положении» и представлен в КЯ как **лакъуэхэм тегъэшІауэ зэфІэтын**. В буквальном переводе с КЯ текст дефиниции выглядит следующим образом: «<стоять это> опираясь на ноги, стоять ровно». В этой связи при описании материала КЯ мы ни при каких условиях не можем обойтись без посредства русского языка. Поэтому для русских словарей, на которые мы опираемся (ср. **СОШ**), важным является четкость в семантическом описании вокабул, чтобы получить «неискаженный» портрет лексических единиц КЯ. Недостаточное единообразие в представлении изучаемого материала в русских словарях видится нами в следующем. Сравним сходства и различия в репрезентации концептуальных сценариев, стоящих за примерами (4 a-l), чтобы выяснить несколько спорных моментов. Так, непонятным остается то, что один и тот же иллюстративный пример *дом стоит у реки* (3 a-b) подается одновременно в дефинициях 3 и 4 (пример подчеркнут). В этой связи возникает закономерный вопрос относительно целесообразности разграничения дефиниции 3 и 4: ведь в одном и том же контексте одно и то же слово, а именно *стоять*, реализует одно и то же значение. Далее, трудно объяснить, как в рамках одной и той же дефиниции (ср. 4) подаются такие отрезки текстов, как (i) «быть, находиться, иметь место где-н. или в какое-н. время» и (ii) «вообще существовать». Очевидно, что в отрезке (i) за дефиницией «стоит» локативный смысл, в то время как в (ii) реализуется экзистенциальное значение (см. об экзистенциальных и локативных значениях (Кимов, 2010а, с. 43)). По нашему мнению, во фразе *дом стоит у реки* глагол реализует локативное значение, а именно *располагаться, находиться*.

Рассмотрим еще другие значения изучаемого глагола:

- (5) Не двигаться, бездействовать.
 - a. МафІэгур станцым **тетц**.
 - b. Поезд **стоит** на станции.
 - c. The car **stood** in the garage all winter.
- (6) Находиться в очереди.
 - a. ШІакхъуэ очырэм сыхъэтитІкІэ **сыхэтащ**.
 - b. Я простоял за хлебом два часа.
 - c. He **stood** in a bread-line for two hours.
- (7) Настаивать, стоять на своем (разг.).
 - a. Унафэ ищІам **тетц**, букв. *настоит*.
 - b. Он **стоит** на своем решении.
 - c. He **stands** on his earlier offer.

(8) Сохраняться, не портиться.

а. Шэр куэдрэ **щытккым**.

б. Молоко долго **не стоит**.

с. ? milk stands fresh, при нормативном: milk stays fresh for 10 days.

В примерах (5 а-с), (6 а-с), (7 а-с) наблюдается однотипная концептуализация практически с одними и теми же участниками. Вместе с тем в (8 с) глаголу *стоять* концептуально соответствует *stay*.

Отдельное внимание следует обратить на примеры типа *стоит время отпусков*; *стояла последняя неделя поста*, которые подаются в **СОШ** под цифрой 4. Отметим, что в этих примерах кодируются особые события, которые не могут быть описаны в терминах той же дефиниции, что и примеры (5 а-с), (6 а-с), (7 а-с). Но этот факт почему-то в **СОШ** проигнорирован. Более адекватное толкование этих значений, на наш взгляд, представлено в **ТСУ**. Этот источник выделяет самостоятельное значение, содержание которого он определяет посредством глагола *быть*. Ср. 4. перен. *быть*. Приведем иллюстративные примеры в том виде, в каком они представлены в **ТСУ**:

«*Стоял* полный штиль». Иван Тургенев.

«В душном воздухе *стоял* ропот и гул». Максим Горький.

«Всюду *стоял* едкий, незнакомый мне запах». Максим Горький.

Нетрудно видеть, что текст дефиниции в **ТСУ** максимально редуцирован и тем самым конкретизирован, что наибольшим образом соответствует смыслу русского глагола в указанных выше примерах. Иными словами, в данной дефиниции более четко, на наш взгляд, разведены экзистенциальная и локативная составляющие этого значения (бытийная составляющая выделена в отдельную дефиницию). Любопытно, однако, что текст дефиниции предваряется пометой *перен.*, из чего можно сделать вывод о том, что все примеры, в которых реализуется бытийное значение глагола «стоять» являются переносными. Иных принципов придерживается словарь **СОШ**, в котором аналогичные значения не сопровождаются такой пометой. Достаточно также сказать, что словарь синонимов (**ТСРЯ**) сопровождает пометой *перен.* значения, которые реализуются в примерах: стоять на своем, стоять насмерть, стоять у власти, стоять в очереди. Мы не имеем возможности вдаваться в рассуждения относительно правомерности такой интерпретации термина *переносное*, но укажем, что это большая и серьезная проблема, которая требует проработки. Возвращаясь к лексикографическому представлению изучаемого нами глагола в **ТСУ**, подчеркнем, что глагол «стоять» во всех иллюстративных примерах значения 4 также реализует метафорическое значение, основанное на взаимодействии далеких друг от друга областей или доменов (источник «поза человека» > «поза», которую занимает штиль, ропот, гул, запах и т. д.). В этих и им подобных примерах глагол *стоять*, будучи использованный в несвойственной ему номинативной функции, по нашему мнению, переосмысливается или *реконцептуализируется*, т. е. идея стоячего положения, являясь семантической основой глагола, постепенно выхолащивается (ср. англоязычный термин *bleaching* – выцветание). Если такое выхолащивание «заходит далеко», то оно может привести к полной утрате автономной лексемы своей индивидуальности и приобретению ею грамматических свойств. Так произошло с лексемой *щытын* КЯ, которая, будучи широко распространенной в этом языке, подверглась переосмыслению. Рассмотрим примеры частичного (реконцептуализация) и полного переосмысления (деконцептуализация) этой лексемы в КЯ. Для облегчения восприятия материала примеры приводятся в виде смыслового и буквального перевода.

(1) Этикетные формулы приветствия:

– Как ты/Вы/ вы **стоите**?

Эта формула соответствует русскому *Как дела?* и англ. *How are you?*; *How do you do?*; *How are you doing?*

– Как ваше самочувствие, *букв.* как вы **стоите**?

– Вчера мы было хорошо, *букв.* я **стоял** хорошо.

– Со вчерашнего дня без изменений, *букв.* **стою**, как **стоял**.

– Аллах знает, как буду чувствовать (= *букв.* стоять) завтра.

(2) В качестве копулы (чаще в прошедшем времени):

– До войны он был врачом, *букв.* он **стоял** врачом.

(3) Образ жизни, поведение, характер:

– Я не пойму, как он себя ведет, *букв.* как он **стоит**.

– Он сильно изменился, *букв.* уже не **стоит**, как **стоял** (ср. *русск.* каким ты был, таким остался).

(4) Состояние атмосферы, погода (используется в любом грамматическом времени):

– Интересно, какая погода будет (**стоять**) завтра?

– Обещают дожди, *букв.* говорят, что будут **стоять** дожди.

Как видно из примеров (1-4), взятых из КЯ, здесь перед нами случаи деконцептуализации, т. е. «утери» глаголом *щытын* своего лексического значения, т. е. «стоять». Так, например, вопросы (1) предполагают necessarily стоячее положение субъекта: он может находиться в больнице, но это не мешает носителю языка обратиться к нему с этим вопросом, справляясь о его самочувствии.

Итак, исходя из допущения о сосуществовании логических и семантических форм мышления в языковом означивании мира, т. е. категоризации окружающей действительности средствами естественного языка, в статье рассмотрены особенности концептуального расширения кабардинской лексемы в значении «стоять» и ее кросс-культурных коррелятов в трех разнотипных языках.

Заключение

Таким образом, в соответствии с целью и задачами исследования результаты нашей работы позволили прийти к следующим выводам.

Проведенный анализ кабардинской лексики в значении «стоять» и ее кросс-культурных коррелятов выявил, что, существуя в языке изначально для обозначения специфической позы человека в силу ярко выраженной антропоцентричности их семантики, они широко используются во вторичной номинативной (метафорической) функции, реализуя помимо основного, локативного значения также и несобственно локативные значения, возникающие в результате разнообразных ассоциаций. С одной стороны, концептуальное развитие изучаемых лексем осуществляется на основе универсальных логических форм мышления, оно осуществляется в соответствии с едиными принципами. Это подтверждается анализом лексикографического портрета изучаемых лексем в трех языках. С другой стороны, семантические (= национальные) формы мышления, обусловленные грамматическим строем конкретного языка, диктуют идиоэтнические (= национально обусловленные) принципы категоризации опыта. Следует особо подчеркнуть, что кабардинская лексема *цытын* в ходе расширения когнитивного опыта в наибольшей степени, по сравнению с другими коррелятами, подвергается деконцептуализации или переосмыслению, превращаясь тем самым в грамматикализованную единицу языка.

Перспективы дальнейшего исследования видятся нами в более глубоком анализе лексикографического материала КЯ как в теоретическом, так и практическом плане, а также создании корпуса устного дискурса КЯ с привлечением большего количества информантов.

Источники | References

1. Апресян Ю. Д. Избранные труды: в 2 т. М.: Восточная литература, 1995. Т. 2. Интегральное описание языка и системная лексикография.
2. Бондарко А. В. К проблеме соотношения универсальных и идиоэтнических аспектов в семантике: интерпретационный компонент грамматических значений // Вопросы языкознания. 1992. № 3.
3. Кимов Р. С. Метафора и метонимия как когнитивные и эпистемологические механизмы формирования языковой картины мира: монография. Нальчик: Каб.-Балк. ун-т, 2010а.
4. Кимов Р. С. Соматизмы кабардинского языка // Грамматикализация: монография. Нальчик: Каб.-Балк. ун-т, 2010b.
5. Кузнецова Е. А. Специфика репрезентации пространственной ориентации событий в семантике английских глаголов sit, stand и lie // Филология и человек. 2020. № 3.
6. Лопатин В. В. Глаголы пространственного расположения предмета, их словообразовательные и семантические связи // Словарь. Грамматика. Текст / ред. Ю. Н. Караулов, М. В. Ляпон. М.: ИРЯ, 1996.
7. Майсак Т. А. Типология грамматикализации конструкций с глаголами движения и глаголами позиции. М.: Языки славянских культур, 2005.
8. Рахилина Е. В. Семантика русских «позиционных» предикатов: «стоять», «лежать», «сидеть» и «висеть» // Вопросы языкознания. 1998. № 6.
9. Серебренников Б. А. Номинация и проблема выбора // Языковая номинация. Общие вопросы / отв. ред. Б. А. Серебренников, А. А. Уфимцева. М.: Наука, 1977.
10. Серебренников Б. А. Типы мышления // Серебренников Б. А. Роль человеческого фактора в языке: язык и мышление. М.: Наука, 1988.
11. Сметанина Т. В. Когнитивная семантика глаголов пространственной ориентации stand, sit, lie: автореф. дисс. ... к. филол. н. Иркутск, 2007.
12. Хатухова Л. В. Локативный комплекс как лингвистическая проблема (на материале русского и кабардинского языков) // Казанская наука. 2024. № 5.
13. Чесноков П. В. Семантические формы мышления и их параметры // Известия Южного федерального университета. Филологические науки. 2007. № 1-2.
14. Ameka F. K., Levinson S. C. The typology and semantics of locative predicates: Posturals, positionals, and other beasts // Linguistics. 2007. Vol. 45. Iss. 5. Part. 6.
15. Bach E. Natural Language Metaphysics // Logic, Methodology, and Philosophy of Science VII / eds. R. Barcan Marcus, G. J. W. Dorn, P. Weingartner. Amsterdam: North Holland, 1986.
16. Newman J. A cross-linguistic overview of the posture verbs 'sit', 'stand', and 'lie' // The Linguistics of Sitting, Standing and Lying / ed. by J. Newman. Amsterdam – Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2002.
17. Newman J., Rice S. Patterns of usage for English SIT, STAND, and LIE: A cognitively inspired exploration in corpus linguistics // Cognitive Linguistics. 2004. Vol. 15. Iss. 3.
18. Rothmayr A. The Structure of Stative Verbs. Amsterdam – Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2009.
19. Talmy L. Lexicalization patterns: Semantic structure in lexical forms // Language Typology and Syntactic Description. Grammatical Categories and the Lexicon: in 3 vols. / ed. by T. Shopen. Cambridge: Cambridge University Press, 1985. Vol. 3.
20. Várnai Z. Posture verbs in Nganasan // Workshop on Samoyedic Languages and Cultures (The University of Hamburg, 2022, 8-9 September). Hamburg, 2022.

Информация об авторах | Author information**RU****Хатухова Лаура Владимировна¹**¹ Кабардино-Балкарский государственный университет, г. Нальчик**EN****Laura Vladimirovna Khatukhova¹**¹ Kabardino-Balkarian State University, Nalchik¹ laura.khatukhova@yandex.ru**Информация о статье | About this article**

Дата поступления рукописи (received): 17.12.2024; опубликовано online (published online): 03.02.2025.

Ключевые слова (keywords): глаголы позиции; концептуальное расширение; вторичная номинация; способы языковой категоризации пространственных ситуаций; грамматикализованные единицы языка; posture verbs; conceptual extension; secondary nomination; methods of linguistic categorization of spatial situations; grammaticalized language units.